Сергей АНТОНОВ

МАМА МЫЛА РАМУ

Сергей Викторович Антонов родился в 1973 году в Свердловске (ныне Екатеринбург). Служил в рядах Советской армии. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета, работал журналистом на ТВ и в прессе. Член Российского Союза журналистов. В 2003 году эмигрировал из России, живёт в г. Крайстчёрч (Новая Зеландия). Главный редактор литературно-художественного журнала «Южный островъ». В «Гостином Дворе» публикуется впервые.

Ветер сквозил под потолком через огромную дыру в стене, вальяжно проплывал по комнате, перебирая скрипучие, висящие серпантином, полуотвалившиеся полосы обоев, и наконец, разбежавшись, уносился через окно. Собачий холод. Днём тусклое солнышко всё же разгоняется иногда до плюс десяти. Но при таком промозглом ветре это не помогает согреться. Гадский климат, но март ещё не самый паршивый месяц в Грозном.

Сашка сидел на чьём-то грязном, в выцветших жёлто-зелёных разводах бушлате, брошенном прямо на кучу битого кирпича в углу комнаты. Разложив на колене наклейки-вкладыши от жвачки, старательно обклеивал ими цевьё Калашникова. И был так сосредоточен в этой детской забаве, что Варька невольно засмеялся:

— Серьёзная коллекция у тебя! Только смотрю, нет никакой тематической линии, всё подряд лепишь. Даже Барби!

— Да говорю же, трофейный аппарат.

— Девчонка? — Варька даже перестал улыбаться, словно его безмятежность дала трещину, куда стало стремительно улетучиваться хорошее настроение.

— Наверняка, — равнодушно ответил Сашка и, оглядев розовые наклейки, добавил: — Школьница совсем, если судить по картинкам.

— Наверняка? — Варька подошёл поближе. — Я думал, это твой личный трофей. Боевой.

— Да нет, — заулыбался Сашка, — я его у казаков на четыре гранаты выменял.

— А девчонка?

— Не знаю. Отстань! — Сашка встал и, ухватив автомат за ствол, поволок его к пыльной груде какой-то старой рухляди. Маленький, щуплый блондин в мешковатом камуфляже больше всего смахивал на старшеклассника на уроке НВП.

— Как ты думаешь, почему тебя Шварценеггером прозвали? — спросил его Варька, с трудом сдерживая улыбку. — Может, того, погорячились?

— У меня воля очень сильная, — обернулся Сашка, — как у Шварца кулаки. Я всего в жизни добиваюсь, чего хочу. Школу закончил, железнодорожный техникум, из армии старшим сержантом пришёл. В «контору» устроился работать, это тебе не в кочегарку наняться. А я всегда мечтал быть чекистом, как мой дядя Паша, — вот, смотри, чего уже достиг.

— А курить который раз бросаешь? — съязвил Варька. — Шестой за этот месяц?

— Считай, что бросил, последняя цигарка в пачке осталась. Слушай, дай-ка мне пилу, — он мотнул головой в дальний угол комнаты, — где-то там валялась.

Варька проследил за его взглядом и среди мелких, в щепку, обломков деревянного ящика заметил колючее, в ржавых чешуйках полотно ножовки, хищно скалившееся в потолок, словно копчёная крокодилья челюсть.

— На, держи.

Сашка закурил и, не оборачиваясь, протянул руку за пилой. Потом, прижав автомат коленом к исцарапанному грязному журнальному столику, начал осторожно отпиливать приклад.

— Зачем? — почему-то совсем не удивившись, спросил Варька.

— Модернизирую, — ответил Сашка сдавленным голосом, продолжая усердно пилить, стараясь увернуться и щурясь от попадающего в глаза дыма сигареты. — Куда я с таким веслом? Был АК, стал АКМ.

— На хрена он тебе вообще сдался? — вздохнул Варька. — Что тебе, казённых стволов не хватает? Или тебе особый кайф — из трофея кого-нибудь завалить?

— Можно и так сказать, — Сашка выпрямился и с облегчением выплюнул сигарету, — у этого калибр больно хороший — 7,62 — любой броник прошибает на раз. — И, снова склонившись над ножовкой, прогрызшей уже

половину приклада, добавил: — Вещь старинная, цены немалой, бабкино наследство.

— Скорее, внучкино. Девку-то видел?

— Какую девку? Школьницу? Нет, не видел. Если жива осталась после допроса, увезли уже, наверно.

— Отпустят?

— Да с хренов ли? Казаки никого не отпускают, по крайней мере, просто так. А тебе-то что за дело?

— Ну, так, интересно.

Сашка выпрямился, отбросил в сторону обрезок облезлого, с остатками лака на прожилках, приклада и сказал с улыбкой:

— Бабы у тебя давно не было, Варька. Вот и всё. Интересно ему! Найди себе коханочку и успокойся.

— Где, здесь?

— Не дай бог! Я тебе не про здесь, но про сейчас. Напиши кому-нибудь, позвони, обнови отношения, и служба веселей пойдёт. У меня дома, в Благовещенске, знаешь, сколько баб было? Хочешь, поделюсь, познакомлю?

— Не знаю даже. Да ну, у вас там одни китаёзы. Слушай, а будешь у казаков — узнай про школьницу, ладно? — Варька развалился на пыльном грязно-белом кожаном диване, сложив ноги на рваный подлокотник.

— А сам?

— Не-е, не люблю я этих ряженых. Дикошарые они какие-то. Никогда не знаешь, где с ними в разговоре нарвёшься. И понеслось: «Да ты сам хуже чечена! Ты родину не любишь, тот хоть за неё свою кровь проливает, а ты — за бабки паршивые! Знаешь, что Грозный казаки основали, — это наш город!» И за пистик хватается.

— Это да, — согласился Сашка, — дикошарость у них в чести. Вдумчивых и спокойных не любят, те дома остались, а эти... добровольцы, одно слово — «мамбеты». Но я с ними без проблем, отлично лажу.

— Ушами отрезанными не хвастаются? Скальпами с ними не меняешься?

— Да пошёл ты, я хоть не быкую перед каждым дураком. Особенно если он вооружён.

Сашка вставил магазин в новую игрушку Калашникова и передёрнул затвор.

— Короче, я до витру отлучусь на пять минут. Ты бумагой случайно не богат?

Варька кивнул на россыпь книг под висящей на одном гвозде книжной полкой:

— Воспользуйся местной библиотекой, своих читателей, думаю, она уже безвозвратно потеряла.

Сашка, не глядя, взял с пола первую попавшуюся книжку и, вырвав из середины пачку листов, взглянул на первый и по слогам прочитал:

— Ма-ма мы-ла ра-му, — и немного сконфуженно добавил: — Ну, это им точно уже не пригодится. Можно пользоваться.

— Если тебе не западло родным букварём задницу подтирать — пользуйся, — усмехнулся Варька.

— Умеешь ты, блин, — разозлился Сашка, — создать настроение. Мне что, Коран искать, если посрать приспичило? Или таблицы Брадиса? Ты давай смотри тут за двоих, пока я буду временно беззащитен и уязвим.

— На толчке с автоматом? Да ты на любой шорох палить начинаешь, — крикнул ему вдогонку Варька, — чем ниже штаны, тем выше инстинкт самосохранения.

Варька полежал ещё несколько секунд, молча глядя в потолок, перевернулся на бок и с неохотой встал с дивана. Отряхивая с боков серую пыль, пересел на край стола и пододвинулся поближе к разбитому окну, спрятавшись за грязно-жёлтой шторой.

В городе до сих пор неспокойно, порой как неожиданно вспыхивают, так и обрываются короткие ожесточённые перестрелки. А пейзаж почти везде одинаков: серые, словно поседевшие от горя, разбитые здания, стыдливо припорошившие пылью следы пожаров. Прореженная стена дома напротив напоминала зубы неудачливого боксёра. Но, несмотря на обманчивую необитаемость, жизнь ни на минуту не прекращается в этих кажущихся брошенными лабиринтах квартир, подъездов, дворов незнакомого, чужого и страшного города.

Порыв ветра опять принёс запах, ставший уже постоянным ароматом этого проклятого места. Горечь пожара, приправленная кислинкой пороха со сладковатым привкусом мертвечины. К нему сначала, кажется, невозможно привыкнуть, но спустя время, уже по ту сторону Кавказских гор, от него сложно отвязаться. Так начинает пахнуть твой двор, твоя комната, твой шкаф. И, даже садясь в автобус, знакомый до последней царапины, ты продолжаешь чувствовать аромат этого «чешского коктейля». Словно случайно притащил за пазухой в родной мирный дом бациллу беды — крупицу всех тех ужасов, пережитых сотнями незнакомых людей. Их крики и предсмертные судороги, их боль и отчаяние растворились в воздухе без следа, но запах, вобравший в себя энергетику сотен, тысяч смертей, запах этот никуда не делся. Позже он ослабеет и, вытесненный свежим порывом новой жизни, потихоньку улетучится. Но унесёт с собой и острую волнующую пряность, сделав жизнь проще, обыденнее и преснее.

— Варька! — крикнул из другой комнаты Сашка. — Живой? Снимаемся, скоро на сутки заступать.

***

Самая тоска накрывала по вечерам. Комендантская служба в управе ФСБ несложная, отстоял сутки — двое свободен. Отоспался, а дальше пустота. Варишься в кубрике общежития вместе с другими такими же бедолагами. Пять этажей бывшей гостиницы забиты командированными чекистами, от полковника до сержанта — все вперемешку. Ну, выпьешь, ну, пульку распишешь, видик посмотришь. Днём ещё можно упасть кому-нибудь на хвост, в город с операми

съездить, а вечером и носа не высунешь за дверь. Зато всегда было тепло, даже жарко — форточек практически и не закрывали.

Варька лежал на своём втором ярусе поверх одеяла, задрав ноги на серую железную спинку кровати, и рассеянно изучал облезлый потолок. Синеватые подпалины, белые разводы, выпуклости и впадины — словно разглядывал снежное поле с вертолёта. Снега — вот чего ему сейчас очень захотелось, да так сильно, что даже показалось, как с потолка потянуло холодком. Так бы и прыгнул в это поле, нырнул с головой, зарылся лицом в белоснежные барханы снежинок. Никогда не думал, что будет когда-либо с нежностью вспоминать родную уральскую зиму. Заваленный снегом лес, расчищенная тропинка от дома к бане на даче, пушистые и уютные сугробы у предбанника. Выскочил из бани и рухнул на свежую снежную перину. Первые секунды холода не чувствуешь, мягко и тепло. Но всё же при минус двадцати в сугробе долго не поваляешься, и когда бежишь обратно, мокрые ноги уже липнут к деревянному крыльцу. Будто бы зима не хочет отпускать так легко доставшуюся ей добычу, стремясь замедлить, задержать, вернуть обратно и навеки погрести голого человека под снежной целиной.

— Скажи, прапор, а почему ты Варька? — подал голос с нижней койки только вчера заселившийся в общагу лысоватый крепыш из Белгорода, назвавшийся Усохом. А так как Варька не ответил, поднял ноги и начал слегка покачивать верхнюю сетку. — Спишь, что ли? Что за бабское прозвище?

— Варфоломей, — ответил тот в потолок. И, неожиданно оживившись, свесив голову вниз, раздражённо спросил: — А ты вот что за птица — Усох?

Лысый примирительно заулыбался, сел на кровать поудобней, подоткнув под спину подушку и подобрав под себя ноги в белых носках.

— Это ещё с Афгана пошло. Хочешь, расскажу? — И, не дожидаясь ответа, продолжил.

— Стояли мы в одном кишлаке. Нормально, хорошо стояли, и, что главное, — население мирное и малочисленное. И вот в одно прекрасное утро мы вдруг заметили, что люди исчезли. На улице никого, прошлись по домам — пусто. Мы запаниковали, страшно стало: ждали какого-нибудь смертоносного удара по кишлаку. Заняли круговую оборону и сидим. Возвращаются наши разведчики — все колодцы пусты, вода ушла. Слушаешь или опять уснул?

— Слушаю, рассказывай дальше! — Варька перелёг на самый край сетки, свесив голову вниз.

— Короче, командир приказал сниматься и уходить, — Усох довольно заулыбался, чувствовалось, что это его любимая история, — но оставил несколько человек ждать колонну, которая должна пройти через два дня. Нас было трое: какой-то плюгавый «дедок», «черпак» Миша с Кишинёва и я,

молодой сержант, только в апреле пришедший из ашхабадской учебки. Оставили нам сухпай, воды на три дня и отчалили. Короче, вся служба свалилась на меня, как ты понимаешь, — врут, что там не было дедовщины. Ещё какая была! Спал по три часа в сутки. А колонна не пришла ни через два дня, ни через три. Воды почти нет, да и еда на исходе. Просыпаюсь как-то на четвёртый день, а вокруг тишина: сослуживцы мои сбежали, прихватив всю жратву и оставшуюся воду. А я остался — уходить некуда, да и как пойдёшь без воды? Колонну, кстати, дождался, но только на десятый день.

— Как это возможно? — удивился Варька. — Человек больше трёх дней без воды не протянет.

— Человек, может, и не протянет, а советский воин — должен. Башка болела без перерыва, язык распух. Под конец уже ничего почти не соображал, да толком и не видел. Отпоили, откормили, оживили. А тех уродов, что меня бросили, так и не нашли, записали пропавшими без вести во время боевой операции. С тех пор меня Усохом и прозвали. Нормально, я не возражал, — героическое прозвище. А через полгода после этого случая перебросили меня в Кандагар, в 70-ю бригаду — в самую жопу Афгана, к пакистанской границе...

Вдруг в коридор, с грохотом опрокинув деревянный табурет с горой автоматных магазинов, ворвался дежурный.

— Сашку Шварценеггера убили, — прокричал он срывающимся голосом. На секунду всё замерло вокруг, звуки застыли хрустальной тишиной. А потом все разом зашумели, затопали, заговорили и, повыскакивав из комнаты, ринулись куда-то бежать. Варька как услышал, так и ухнул вниз, одной рукой держась за край панцирной сетки, намереваясь попасть босыми ногами в тапочки, но попал по Усоху, который тоже, повинуясь стадному инстинкту, вскочил, но, получив по шее Варькиными ногами, завалился обратно на койку.

— Какого Шварценеггера? — растеряно спросил он Варьку, но тот, ничего не замечая вокруг, помчался к дневальному.

В фойе на первом этаже седой упитанный прапорщик Володя Берг растерянно смотрел на окруживших его бородатых сослуживцев и, будто отвечая на незаданные вопросы молчащих людей, говорил без умолку, в довольно нелепой, но удивительно подходящей к его бакенбардам и настоящему пенсне манере дореволюционных господ-офицеров:

— Я решительно ничего точно не знаю, господа. Позвонили казаки, да. Сообщили, что вашего Шварценеггера подстрелили. Виноват, господа, — нашего. Только тот вышел с сигаретой на крыльцо — и сразу упал. Пока ещё ничего наверняка не известно, давайте сохранять спокойствие. Был всего лишь один звонок от казаков, господа. Решительно не понимаю,

как можно ночью курить на улице? Дежурный наряд уже выехал, но пока ничего не сообщали. Прошу вас, господа офицеры, без эксцессов, — и, окинув всех умоляющим взглядом, продолжил, — хотя бы не в моё дежурство.

Варька подумал, что сейчас у него земля под ногами должна расколоться и обрушиться, утягивая его в бездонную пропасть отчаяния. Но ничего этого не произошло. Его только лишь охватила глубокая обида на друга. Так глупо, так глупо подставиться. Бросить его одного на этой враждебной земле, среди чужих неприветливых людей. Он так разозлился, что с большим удовольствием вмазал Сашке, если бы только мог.

Толпа медленно редела, плотное кольцо людей вокруг Берга таяло, распадаясь на отдельные фигуры, разбредающиеся в разные стороны. Спустя минуту около него остался только Варька.

— Чаю хочешь? — неожиданно спросил его Берг. — С коньяком, а? — И, понизив голос, добавил: — С армянским!

Варька молча смотрел на прапорщика, не только не слыша, но и даже не видя его. Тот, потоптавшись несколько секунд, развернулся и почти неслышно ушёл.

«Чёртова девка, — думал Варька, — вот на кой хрен она мне сдалась? Пусть хоть на ломти её порубают, вот вообще нисколечко не жалко. Это всё оттого, что я размяк. Приехал на войну, значит, жалость и сочувствие, если хочешь вернуться назад, должен оставить дома.

Мысли в его голове торопились, натыкались друг на друга, спутывались. Он впал в какое-то странное состояние, словно очутился в параллельной реальности. Вдруг отчётливо услышал, как тикает время, хоть во всём здании не было ни одних настенных часов. Но он внятно, остро до боли, вполне осязаемо почувствовал каждую проскакивающую через его сердце секунду. Свою собственную, неповторимую, но и абсолютно никому не нужную. Она появлялась откуда-то позади сердца, полная предвкушения радости и удовольствия жизни, но, проходя через Варькину душу, серела, мрачнела и, разочаровавшись, выскакивая прочь, гасла с презрительным шипением, как уголёк, упавший в воду.

***

Варька скорее почувствовал и представил, чем услышал, как во двор заехала машина. Короткой очередью хлопнули двери. Несколько человек, позвякивая амуницией и негромко переговариваясь, подошли к подъезду. Для уехавшего на место Сашкиной гибели наряда было слишком рано, хорошо, если до утра управятся. Наверно, вернулись припозднившиеся опера.

Варька не выдержал и, развернувшись, направился прочь по коридору. Он не хотел никого сейчас видеть, чувствовать на себе сочувственные и виноватые взгляды,

слышать разнообразные версии гибели друга. Конечно, этого не избежать, но он хотел хотя бы ненадолго, насколько возможно, оттянуть этот момент. Сашка был для него ещё живым, попавшим в какую-то передрягу, но живым. Хотя прекрасно понимал, что сигарета в ночи — это подарок для снайпера, и после таких выстрелов не выживают.

Он уже был в дальнем конце длинного коридора, когда люди шумно ввалились вовнутрь.

— Варька, Варька! — они нетрезво закричали, видимо, заметив и узнав его уплывающую в полумрак спину. — Постой!

Тот, наоборот, прибавил шага, но что-то странными ему показались их голоса, не чувствовалось в них ни трагизма, ни даже грусти, лишь какая-то матерно-пьяная разухабистость. Он остановился и, привалившись спиной к стене, принялся разглядывать отвратительно маслено блестящую поверхность противоположной стены неширокого коридора.

— Да куда ты, постой, — голоса неминуемо приближались. Но Варька даже головы не повернул, так и стоял, уставившись в одну точку. На него накатили какая-то смертельная усталость и равнодушие ко всему на свете такой силы, что, услышав сейчас боевую тревогу, запросто мог бы пробраться в дальний угол и лечь там на куче бушлатов спать.

— Ты чего грустный такой? — спросил Пашка то ли по прозвищу, то ли по фамилии Воробей, шутя толкнув его в плечо стволом автомата. — У человека день рождения, а ты трезвый?

— У кого, у тебя? — автоматически ответил Варька, даже не услышав своего голоса.

— Во даёшь, да у Сашки же Шварценеггера, чё, не слышал разве?

Медленные, текучие мысли в голове Варьки вдруг встрепенулись, вздыбились и понеслись, вполне ощутимо сталкиваясь, разбегаясь и снова сталкиваясь, да так больно, что он невольно поморщился. «Ещё не знают», — мелькнула первая, «перепутали, у Сашки осенью», — подоспела вторая, «нажрались и пошутили», — с опозданием пришла третья. Остальные бились и вертелись в голове, как соскучившиеся по матери щенята, — да так резво, что ни одной не ухватишь.

— Где именинник? — упавшим голосом спросил Варька.

— Не именинник, — поправил его пышущий жаром, потом и алкоголем боец, — а новорождённый. Да вон несут.

Варька повернул голову и увидел двоих довольно нетвёрдо стоящих на земле незнакомцев, с двух сторон поддерживающих окровавленного Сашку.

— Ранен, — просипел Варька и сделал два неуклюжих шага в его сторону.

— Нет, — ответил Пашка, — пьян в стельку. Ну и ранен, конечно. Не кетчупом в шашлычной

облился. День рождения отмечаем. Второй. Нормально. У меня, например, их уже три.

Варька подошёл к Сашке, тот даже немного похрапывал, бессильно свесив голову набок.

— Эй, — потрясли его сопровождающие, — слезайте, князь, приехали.

Сашка потряс головой, разгоняя пьяное мутное сновидение, с некоторым усилием оторвался от помощников, выпрямился, сделал несколько неуверенных шагов к Варьке.

— Убить, гады, хотели, — сказал он, счастливо улыбаясь, — но только нос отстрелили. Во, самый кончик, как рубанком сняло. Прикинь, мазилы, по сигарете промахнулись.

Варька по-прежнему молча, словно новыми глазами, смотрел на Сашку, который на секунду показался ему совсем другим человеком, каким-то чужим бомжеватым стариком, лишь отдалённо напоминающим потерянного друга. Тот рассмеялся и опять превратился в пьяного подростка в окровавленном тельнике, с грязно-белым пластырем на носу, но живого и весёлого.

— Идиот, — только и промолвил с облегчением Варька.

— Сам знаю, — трезвея, ответил Сашка, — ты же меня просил к казакам смотаться.

— Идиот, — повторил Варька, — я про сигареты.

— А? Я уже бросил, вот хочешь, обыщи, — и похлопал себя по нагрудным карманам, — в этот раз уже окончательно.

— А про девку-то узнал? — как можно более безразличным тоном спросил Варька.

— Нет, прости. Забыл сначала, а потом не до того стало, сам понимаешь.

— Ладно, проехали, — с облегчением выдохнул Варька, подумав: а может, и правда, Сашкина жизнь зависела от этой малолетки. Стоило ей нарисоваться где-то на заднем плане — всё пошло наперекосяк, а пропала — и жизнь вернулась в прежнее русло.

— Пошли проставляться, новорождённый, — толкнул он Сашку в плечо, — народ тебя без водки сейчас просто разорвёт.

— Ребята, водка у меня, — встрепенулся заскучавший Воробей и призывно побултыхал десятилитровой алюминиевой канистрой, — и в машине ещё канистра кизлярского! — Но, увидев перекошенные отвращением лица вышедших на шум полуодетых сослуживцев, добавил: — Ну, коньяк не основное блюдо, это так, чисто догнаться.

***

Уже под утро, когда даже самые жадные до спиртного забылись кратким, но чутким сном, и Варька в одежде и расшнурованных ботинках лежал бревном поперёк чьей-то кровати, Сашка с зажатой в кулаке мятой сигаретой, с трудом переставляя ноги, пробрался в туалет. В полутёмном сыром помещении было не так душно, хоть и крепко накурено. Он присел на корточки,

прислонившись голой спиной к прохладному грязно-белому кафелю. Попытался выправить мятую сигарету, но только порвал, попробовал склеить слюной, но получилось плохо: руки не слушались, дрожали то ли в нервном, то ли в алкогольном ознобе. Рассердившись, сломал сигарету и, сунув в рот половинку подлиннее, с удовольствием закурил. Обрывки мыслей, чувств, ощущений вертелись в его голове в каком-то непонятном, но ритмичном танце. Он был пьян и вполне счастлив. Смерть прошла совсем рядом, только прихватила своими жаркими пальцами за самый кончик носа, чуть было не утащив с собой. Сашка вдруг увидел себя со стороны: вот он валяется на крыльце с дыркой в голове, насмерть зажав в руке щегольскую зипповскую зажигалку, вот его везут через всю страну домой — цинковый ящик, полный растрясённого за тысячи километров пути тухлого мяса. Увидел рыжую могилу на пустынном кладбище на 17-м километре, увенчанную лакированным крестом, с притаившимся среди цветов, бликующим, как снайперская оптика в зелёнке, стаканом, прикрытым ноздреватым куском хлеба.

— Фу! — он помотал головой, пытаясь согнать наваждение. Настолько уж чётко всё представилось, так правдиво, что стало казаться — это и есть настоящая реальность. А он сам — что-то бестелесное и нематериальное, выброшенное сегодняшним выстрелом из действительности. Последняя искра жизни, блуждающая по коротящим электросхемам умирающего мозга.

Сашка подошёл к умывальнику и засунул голову под струю холодной воды. Полегчало. Счастье, укрывавшее его до этого момента тёплым уютным одеялом, стало возвращаться. Но что-то не пускало его накрыть Сашкину душу целиком. Словно кто-то держал уголок этого одеяла и даже потихоньку тянул его назад. И тут он вспомнил казачий лагерь и слова высокого рыжеватого парня, нарезавшего сало прямо на столе, среди эмалированных кружек, россыпи патронов и переполненных окурками консервных банок.

«Что, ты, милай, — сказал он, улыбаясь, — какая девка? Захирка?! Да её Калинкин с Антоном ещё вчера закопали...»